

Бездомье Арсеньева
(по роману И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»)

Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» насыщен мотивами и образами перемещения главного героя в пространстве: дорогами, перекрестками, постоянным движением героя, его метаниями, странничеством, бездомьем, которые в комплексе позволяют выявить в тексте романа древнейшую мифологему пути. В то же время в художественном пространстве романа важную роль играет архетип дома – один из древнейших образов мировой культуры. Начало пути Арсеньева, главного героя романа Бунина, – это уход из отчего дома. Но на протяжении романного действия герой неоднократно будет «встречаться» с домом и уходить из него, тосковать по нему и не позволять себе остаться в нем.

Чрезвычайно важным, семиотически насыщенным является тот факт, что у Арсеньева нет собственного дома, своего крова. Он рано покидает родительский дом – поместье Батурино. Сначала живет у брата, затем, начав работать, и позднее, устраивая совместную жизнь с Ликой, снимает квартиры. Таким образом, герой лишен оседлости, «привязанности» к дому, очагу, вся его жизнь характеризуется бездомностью, он онтологически бездомен. Внутреннее пространство дома как топоса домашнего очага, места покоя, отдыха, защищающего от большого мира, Бунин практически не использует в качестве места действия в сюжетной линии Арсеньева. Картины такого пространства лишь изредка мелькают на страницах романа, когда герой вспоминает свои редкие временные приезды-возвращения в родительский дом. «В Батурине было даже больно от той любви, радости, с которой был встречен я... Очаровал меня и дом – своей старинной прекрасной грубостью» [1: 170]. Примечательно, что в описании Арсеньева дом – это всегда что-то незбылемое, крепкое, вечное, даже если это старый, разрушающийся дом: «Черные образа в углу, за старинными окнами с цветными верхними стеклами видны деревья и небо, <...> в комнате все несколько сумрачно, просторно, глубоко...Потолок темный, деревянный, гладкий, из таких же темных, гладких бревен и стены...гладки и тяжелы круглые отвалы дубовой кровати» [1: 170].

Характерно, что все моменты встреч Арсеньева с домом Бунин описывает подробно, замедляя течение художественного времени, подчеркивая тем самым, что эти встречи значимы, семиотически очень насыщены, как и само пространство дома. Проанализируем одно из таких описаний старого, уже заброшенного родительского дома в усадьбе Батурино. Арсеньев вспоминает, что часто, проезжая мимо усадьбы по большой дороге, от которой она была в какой-нибудь версте, он «сворачивал, ехал по широкой дубовой аллее, ведущей к ней... и шел к дому». Через два предложения, почти как заклинание, герой повторяет: «Я шел к дому». Последующее описание дома пронизано тоской героя по дому, грустью по его утрате, любовью к нему, к тому, что он несет в себе: «Деревянный дом, обшитый серым тесом, конечно, гнил, ветшал, с каждым годом делаясь все пленительнее, и особенно любил я заглядывать в его окна... как передать те чувства, что испытываешь в такие минуты, когда

как бы воровски, кощунственно заглядываешь в старый, пустой дом, в безмолвное и *таинственное святилище* его давней, исчезнувшей жизни!» [1: 75]. Обратим внимание: герой называет то, что для него символизирует дом, «таинственным святилищем».

Мотивы бездомья, тоски по дому, неоднократно звучащие на страницах романа (в признаниях героя), совершенно неожиданно проявляются даже в, казалось бы, мимолетных, но, конечно, не случайных впечатлениях Арсеньева, когда, например, он замечает, как «с колдовской настойчивостью куковала вдали кукушка, тщетно весь свой век взыскующая какого-то заветного гнезда» [1: 129].

Свою совместную жизнь Арсеньев и Лика строят тоже на съемной квартире. В определенной степени это также свидетельствует о бездомности героя, о его нежелании закрепиться на одном месте, а в контексте отношений с Ликой – о нежелании или невозможности на данном этапе собственного духовного развития создать семью, стать мужем, хозяином дома. Еще в отрочестве путь обычной, «как у всех», счастливой человеческой жизни не принимается Арсеньевым. Картина такой жизни, вбирающая в себя вечные основы человеческого существования и счастья, нарисованная старшим братом, потрясает Алешу своей, как ему тогда казалось, скудостью, ограниченностью и обыденностью: «Ну что ж, сказал он, подшучивая, мы, конечно, уже вполне разорены, и ты куда-нибудь поступишь, когда подрастешь, будешь служить, женишься, заведешь детей, кое-что накопишь, купишь домик, – и я вдруг так живо почувствовал весь ужас и всю низость подобного будущего, что разрыдался...» [1: 244]. Уже в этом странном неприятии обычного человеческого счастья чувствуется будущая бездомность героя. Тогда, в юности, он жаждал самореализации в творчестве, в литературе. Но главная, глубинная причина неприкаянности героя заключается в том, что душа Арсеньева еще не обрела высшего смысла жизни и высшей истины и потому не могла быть счастлива, не могла обрести покой дома, семьи. Позволим себе опереться на мысль М.М. Бахтина о Достоевском и с ее помощью охарактеризовать отличительную особенность художественного пространства героя в романе «Жизнь Арсеньева»: как и Достоевский, Бунин ««перескакивает» через обжитое, устроенное и прочное, далекое от порога, внутреннее пространство домов, потому что та жизнь, которую он изображает, проходит не в этом пространстве» [2: 228].

Невозможность обретения героем покоя дома без высшей истины Бунин замечательно показывает в эпизоде, когда Арсеньев жил на подворье Никулиной – в тихом местечке, недалеко от которого находились монастырь и кладбище, что вносило особое спокойствие и умиротворе-

ние в жизнь человека, как бы на время отстраняя его от суетной мирской жизни. «Дикие мысли и чувства проходили тогда во мне: вот бросить все и навсегда остаться тут, на этом подворье...» [1: 368]. С помощью символических деталей интерьера дома Никулиной Бунин дает оценку такого возможного существования своего героя, одновременно показывая два варианта жизни. Первый путь – это путь человека, отрешившегося от мира, путь отшельника, подвижника, путь святого. Об этом свидетельствует аллюзия – картина на стене с изображением святого старца Серафима Саровского, укрощающего свирепого медведя. Но поскольку Арсеньев не пришел в душе к Богу, истине, к вере, смирению и кротости, как Серафим Саровский, Бунин рисует и второй вариант жизни в замкнутом мире: отказ героя от Пути, от развития, движения – это смерть, знаком которой является для Арсеньева «фотографический портрет старика в гробу», покойного мужа хозяйки. Но, даже осознавая невозможность отказа от Пути, от движения, Арсеньев мечтает об обретении того внутреннего покоя, символом которого выступает в романе архетип дома.

«Сладкая и горькая грусть», которую ощущал Арсеньев, живя на подворье Никулиной, означает не только тоску по дому: ведь в юности у героя был «милый, родной, прелестный» дом в Батуристине, в котором ему всегда были рады, всегда ждали его и любили. Арсеньев тоскует по внутреннему покою, который возможен только при обретении искомой истины.

С онтологическим бездомьем Арсеньева связаны мотивы постоянного движения героя. Буквально в каждой книге романа звучат признания главного героя о любви к дороге: о «вечной жажде дороги», движения, о «чувстве пути», о «чувстве дали, простора», о «кочевой страсти». Из раннего детства Алеше запомнились всегда открытые ворота сарая, зовущие в дорогу, в даль. Взрослый Арсеньев вспоминает, как в отрочестве, учась в гимназии, по вечерам приходил на вокзал и с волнением «встречал и провожал поезда на станции, в толкотне и суете приезжающих и уезжающих, завидовал тем, кто, спеша и волнуясь, усаживались с множеством вещей в вагоны «дальнего следования», замирал, когда огромный швейцар <...> пел зычным, величественным басом, возглашал с дорожной протяжностью, с угрожающей, строгой грустью, куда и какой поезд отправляется» [1: 185]. Вспоминая свою юность, Арсеньев признавался, что в поездках у него «захватывало дух от радости». Даже полосатый тик диванного чехла напоминал герою вагонный и звал в дорогу. «Видите вот этот тик? Вагонный. Я даже этого тика не могу видеть спокойно, тянет ехать» [1: 213], – с волнением признавался Арсеньев,

рассказывая о своей жажде дороги, движения, пути.

Неоднократные признания героя, звучащие на страницах романа, свидетельствуют о том, что движение для него жизненно необходимо. Вспоминая ироническое замечание в отношении своих стремлений «вдаль», Арсеньев напрямую соотносит «даль» с поиском смысла: «И впрямь: втайне я весь простирался в нее (в даль – Т.К.). Зачем? Может быть, *именно за этим смыслом?*» [1: 132]. Так возникают в романе мотивы, которые Бунин определяет экзистенциально: «зов пространств», «бег времени», ощущение и поиск в мире «сокровенной души», неких неопределимых смысла и цели жизни, чего-то такого, в «чем этот смысл обнаружится»: «...Грустит ли в тишине, в глуши какой-нибудь сурок, жаворонок? Нет, они ни о чем не спрашивают, ничему не дивятся, *не чувствуют той сокровенной души, которая всегда чудится человеческой душе в мире, окружающем ее, не знают ни зова пространства, ни бега времени. А я уже и тогда знал все это. Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему...*» [1: 9].

Путь Арсеньева не завершен – в этом, на наш взгляд, смысл открытого финала романа Бунина. Называя себя «бродником», «скитальцем», «странником», Арсеньев говорит о своем предназначении и главной цели жизни: о поиске экзистенции, высшей истины и смысла существования.

Таким образом, бездомье Арсеньева и в то же время тоска по дому обусловлены экзистенциальной тоской героя, предстают в романе символами недостигнутого духовного покоя, внутренней гармонии, необретенной истины. Поэтому бездомный Арсеньев с такой теплотой пишет о «старом человеческом крове», о «непонятной успокаивающей прелести» очертаний домов. Сознательный уход Арсеньева из родного дома и последующая бездомность, его искания, скитания, странничество – семиотические события, означающие духовную неприкаянность, неуспокоенность, жажду некоего высшего смысла и «чего-то такого, в чем <...> *эта суть, этот смысл вдруг наконец обнаружится*» [1: 131-132].

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Редколлегия: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич. М.: Художественная литература, 1988. Т. 5.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Алконост, 1994.